

З.В. Дмитриева, С.А. Козлов

«СИЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ И ЖЕЛАНИЕ
КОГДА-ЛИБО ЕГО УВИДЕТЬ ПОДКРЕПЛЯЛА ДУХ НАШ...»:
записки штурмана шлюпа «Диана» А.И. Хлебникова о японском плене*

*Статья публикуется к 200-летию
освобождения шлюпа «Диана»
во главе с капитаном В.М. Головниным
из японского плена*

Публикуемое извлечение из записок «Японский плен 7-ми россиян в 1811-м, 12-м, 13-м годах, описанный одним из участвовавших в оном Андреем Хлебниковым» имеет авторский подзаголовок: «Побег наш из Матсмая». Рукопись хранится: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. 63 л. (публикуются л. 12–15 об.), датирована 1814 г. Записки — в тетради (20 × 27), картонный переплет сильно потерт, уголки и корешек оклеены светло-коричневой кожей. На обороте передней крышки помета автора: «Купл[ено] в Петропавловской гавани от Кларка ф[евраля] 23 1814 года из числа кантонских товаров г[осподи]на Добеллоу (П.В. Добелл, американский купец, вступивший в российское подданство. — С.К.), из Китая привезенных, и китайское изделие». Рукопись написана бисерной скорописью коричневыми чернилами рукою А.И. Хлебникова. Правка черными чернилами тем же почерком. Бумага плотная, пожелтевшая, без филигранных. В рукописи две нумерации: авторская — в правом верхнем углу коричневыми чернилами, архивная — на нижнем поле карандашом.

А.И. Хлебников предварял Записки краткой историей их написания. По словам штурмана, «описание» было «составлено» в 1814 г. по возвращении из японского плена «на Камчатке до отъезда в Охотск» на основе черновых записей, которые он вел на шлюпе «Диана» в ходе плавания из японского города Хакодате в Петропавловскую гавань. А.И. Хлебников сообщал, что «вседневно» «по одному листу» вкратце описывал, «что когда с нами случилось, дабы не выпустить из памяти важнейших событий», «что видел, слышал, страдал и по тогдашнему понятию верил и рассуждал». Краткие черновые записи штурман адресовал капитан-лейтенанту П.И. Рикорду, усилиями которого пленные русские моряки во главе с капитаном В.М. Головниным были освобождены из японской неволи¹.

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00022.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

В 1816 г. были опубликованы «Записки о приключениях в плену у японцев...» капитана В.М. Головнина², и штурман А.И. Хлебников посчитал необходимым отметить в предисловии к своим «описаниям» следующее: «Все это изложено гораздо прежде издания в свет тех же приключений г[осподином] Головниным, которых в рукописи у него не видал и не читал, и он мне их не показывал, да и сделать того ему не можно было, потому что он из Петропавловской гавани, после очень короткаго в ней житья, по возвращении из Японии уехал сухопутно один в Петербург, а я остался с другими на зимовку в Камчатке, и чрез Охотск прибыли мы все, служившие на "Диане", в столицу ровно чрез год после г[осподина] Головнина, в которое время уже выходило из печати его описание о нашем плене». И далее А.И. Хлебников заключал: «Следовательно, позаимствованного у него от меня, ни у меня от него ничего быть не могло, а потому ежели и есть в чем существенная разность в наших описаниях, то это от того, что смотрели мы на предметы не всегда с одной стороны, а потому, в чувствованиях страдая, и вовсе сходится не могли, но главное — одно и то же»³.

Обратимся к биографии штурмана шлюпа «Диана». Как явствует из послужного списка за 1826 г., Андрей Ильич Хлебников родился в 1777 г. и происходил из петербургских дворян. 1 января 1795 г. он был зачислен учеником в штурманское училище и на протяжении девяти лет (вплоть до 1805 г.) «находился в компании на Каспийском море», где проходил стажировку на бомбардирском корабле «Кизляр» и на почтовом пакетботе «Сокol», вначале в качестве ученика 1-го класса, затем штурманским помощником офицерского чина. В 1805–1806 г. служил на Балтийском море, плавая из Кронштадта до Ревеля и обратно. В дальнейшем А.И. Хлебников участвовал в экспедициях на шлюпе «Диана» под командой В.М. Головнина. В 1807–1809 г. экипаж «Дианы» «огибал великие земные мыса: Горн, Доброй Надежды...», побывал в Бразилии, на острове Танна в архипелаге Новые Гебриды. 8 января 1809 г. А.И. Хлебникова произвели в штурманы 12-го класса, а на следующий год, 27 июня 1810 г., — в штурманы 9-го класса. В мае 1810 г. А.И. Хлебников на шлюпе «Диана» отправился в плавание в русские владения на Северо-Западе Америки для доставки хлеба с Камчатки⁴.

14 сентября «Диана» вернулась в Петропавловскую гавань на зимовку, которая прошла в приготовлениях к новой экспедиции. В.М. Головнину было поручено произвести опись и астрономически определить положение Курильских островов, Татарского берега до реки Уды, Шантарских островов. Капитан «Дианы» исходил из того, что для описания Курильских островов потребуется пять месяцев (май–октябрь), и разработал «план описи, руководствуясь плаваниями прежних известных мореплавателей». 25 апреля 1811 г. штурман А.И. Хлебников на шлюпе «Диана» под командою капитан-лейтенанта В.М. Головнина отправился к Курильским островам. Результаты исследований оказались впечатляющими: была составлена карта островов и собраны сведения о них.

17 июня на острове Итуруп команда шлюпа вошла в непосредственные контакты с японцами, которые с недоверием отнеслись к морякам и сомневались в мирных целях экспедиции. Однако это не помешало им закончить встречу на дружеской ноте. Русские преподнесли подарки, угостили японских чиновников «французской водкой» (т. е. коньяком. — С.К.), которую «они пили с большим удовольствием, прихлебывая понемногу и прищелкивая языком»⁵. Наконец 11 июля капитан «Дианы» на четырехвесельной шлюпке направился на берег южного побережья Кунашир, в местечко Дзэбэкотан у селения Томари (ныне Головнино). Помимо штурмана А. Хлебникова, он взял мичмана Ф. Мура, переводчика курильца Алексея и четырех матросов. Эта поездка закончилась пленением русских моряков и нахождением их в тяжелой японской неволе более двух лет, вплоть до октября 1813 г.⁶.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

Капитан-лейтенант П.И. Рикорд, принявший командование «Дианой», опираясь на «общее мнение» моряков, решил отправиться в Охотск «для донесения» о случившемся «высшему начальству». Из-за малочисленности команды высадка десанта для взятия японской крепости штурмом неминуемо привела бы к гибели команды и захвату «Дианы».

Русские пленники с острова Кунашир были перевезены на остров Матсмай (ныне Хоккайдо), где их заключили в японскую тюрьму. Не дождавшись решения об освобождении из плена от «высшего правительства» в Эдо, пленники решились на побег. В.М. Головнин занялся его подготовкой. Предполагалось совершить побег из тюрьмы ночью, добраться до берега, захватить судно и плыть до Камчатки. Все помыслы пленников были направлены только на подготовку к побегу. Матросы наравне с офицерами обсуждали подробности плана опасного предприятия. Однако мичман Ф.Ф. Мур отказывался бежать, приняв «твердое намерение ожидать своей участи в заточении». Он хотел поступить на японскую службу в качестве переводчика «с европейских языков». Пленные русские моряки осознали насколько «опасным человеком» стал Ф.Ф. Мур и решили пойти на хитрость, они уверили мичмана, что побег отложен до лучших времен.

Наконец в ночь с 23 на 24 апреля 1812 г. русские моряки, произведя подкоп под стеной, совершили побег из тюрьмы. Один из активных участников побега, штурман А.И. Хлебников, оставил его подробное описание. Наряду с уже опубликованным описанием побега, «происшествий на воле» и обстоятельств «вторичного взятия в плен» в «Записках флота капитана Головнина»⁷, а также его черновыми набросками о побеге из неволи в «Кратких описаниях приключений...»⁸, Записки А.И. Хлебникова позволяют заметно дополнить историю японского плена русских моряков шлюпа «Дианы».

В этой связи интерес представляет рассмотрение инцидента, произошедшего между В.М. Головниным и А.И. Хлебниковым из-за нежелания последнего подчиниться капитану и скрываться от преследования японцев в горах. Вот как описывал происходящее капитан «Дианы»: «Осторожность моя не напрасна была, едва мы сели, как конные показались на горе. "Так на горе, на горе, — сказал г[осподи]н Хлебников, — а вот нам бы надобно задать тебе гору за все". Слова сии вывели меня из терпения <...> почему я решился вмиг предупредить это и, выхватив одною рукою долото (которое одно оружие только при мне и было), приставил его к груди г[осподи]на Хлебникова, а другою прижав его к земле, сказал: "Что ты разумеешь, бездельник, под этими словами — задать гору?" Он на слова не отвечал мне, а сказал только: "Братцы, братцы!" Если бы матрозы бросились на меня, то я признаюсь, что в ту же бы секунду убил г[осподи]на Хлебникова, но они, будучи близко нас, стояли неподвижно и ни слова в это время не говорили, а когда я пустил Хлебникова, тогда они стали плакать и уговаривать меня, чтобы я вперед не покушался на это. "Нас мало, а в опасном нашем положении и один человек дорог"». И далее В.М. Головнин продолжал: «Перед сумерками г[осподи]н Хлебников сделал мне честь, спросил моего совету, не пора ли итти, чего прежде никогда не бывало. Я отвечал учтиво, сказав: "Как ему угодно", но не разкаялся в сделанном ему от меня небольшом моральном наставлении»⁹.

В Записках А.И. Хлебникова нет даже намек на конфликт с капитаном. Штурман «Дианы» с восторгом писал о В.М. Головнине: «Капитан, приметя, что я переворачиваю свой пустой кошелек и пью дудкою одну только воду, разделил со мною пополам несколько золотников крупы, назначенной для себя на сей день в пищу. Я принял с благодарностию такой дорогой подарок и тем укрепил себя на сей день».

Девять дней беглецы провели на свободе в матсмайских горах. Впоследствии они с ужасом вспоминали, о том на какие крутые утесы поднимались и в какие пропасти были вынуждены спускаться. Мичман А.И. Хлебников не без горечи вспоминал: «С приближением

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

к какому-либо ручейку, при виде его или при услышании журчания воды, мгновенно рождалась жажда, напившись же воды, делалось тошнливо и отвращение от питья, но, пройдя несколько шагов, тотчас чувствования переменялись, и с нетерпением опять желали встретиться с каким-либо ручейком. Когда ложились отдыхать, то в мыслях нечувствительно начинали представляться разные кушанья и приходили на память такие блюда, которые от самого младенчества во всю жизнь когда-либо кто едал. От кушанья мысли переходили к питью, приводя на память вины, мед и японскую сагу. Все это представлялось с таким очарованием, что невозможно, не быв в таком состоянии, ни вообразить, ни изъяснить»¹⁰.

Пленники так и не смогли «завладеть» судном, пригодным для дальнего плавания, и стали «помышлять» о захвате двух рыбацких лодок (которых было повсюду множество), чтобы затем доплыть на них до ближайшего небольшого необитаемого острова. Там они могли, не боясь опасности, «соорудить» «порядочный шалаш», «держат огонь когда угодно» и собирать на берегу раковины и различные морские растения, употребляемые в пищу¹¹.

2 мая беглецы, вдохновленные новым планом, размышляли о способах захвата рыбацких лодок и не заметили японку, стоящую на ближайшем «высоком холме» и наблюдавшую за ними. Она поворачивалась во все стороны и махала рукой, созывая людей. Пленники попытались скрыться, но было уже поздно. Их со всех сторон обступили пешие и конные японские солдаты. Позже выяснилось, что все это время они шли по следу беглецов. Как отмечал В.М. Головнин, «по следам нашим на берегу, где мы шли ночью, японцы ставили тычинки, а где мы поднимались в горы, там они след наш теряли, но после на песке по морскому берегу опять находили»¹². Четверо беглецов были схвачены сразу. В.М. Головнин и матрос С. Макаров спрятались в кустах, но к вечеру их обнаружил отправленный на поиски беглецов отряд из солдат и поселян. Японцы смотрели на беглых пленников «с выражением жалости» и не делали им «никаких обид и ругательств», а лишь накормили рисовой кашей, солеными сельдями, редькою, напоили чаем и предложили сакэ. Под «крепким конвоем» шесть беглецов привели обратно в Матсмай и поместили в городской тюрьме, где офицеров заперли в отдельных клетках, а матросов всех вместе в одной.

Начались изнурительные допросы русских моряков и ожидание решения их судьбы японскими чиновниками. Отчаянные усилия по организации экспедиции для освобождения пленных предпринимал капитан-лейтенант П.И. Рикорд, и шлюп «Диана» дважды прибывал к японским берегам для вызволения русских моряков из плена. В первый приезд П.И. Рикорд поблагодарил японцев за желание начать переговоры, согласился с их условиями и 9 июля 1813 г. отбыл на шлюпе «Диана» в Охотск за бумагами («свидетельствами и объяснениями»), которые требовало японское правительство. Он заверил переговорщиков, что незамедлительно возвратится к берегам Японии и доставит «требуемое объяснение» для освобождения из плена русских моряков. И 27 сентября 1813 г. «Диана» прибыла в Хакодате с ответными посланиями от начальника Охотского порта М.И. Миницкого и иркутского губернатора Н.И. Трескина. Привезенные П.И. Рикордом бумаги японские чиновники признали удовлетворительными, и поэтому было решено освободить пленных.

10 октября 1813 г. «Диана» снялась с якоря и стала выходить в открытое море. Собравшиеся на берегу японцы низко кланялись стоявшим на палубе русским и кричали: «Счастливейший путь, банзай!». Вот как описывал это событие В.М. Головнин: «Наступивший благоприятный ветер быстро понес корабль и отдалял нас от берегов, на коих испытали мы столь много несчастья и великодушия мирных жителей, называемых от европейцев (может быть уже чересчур просвещенных?) "варварами"». Русский морской офицер отверг бытовавшее мнение, что японцы освободили пленных моряков «из-за трусости» и «боязни мщения России», уверенно заявив: «Я приписываю все поступки японцев в рассуждении нас их человеколюбью»¹³.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

3 ноября 1813 г. шлюп «Диана» благополучно прибыл в Петропавловскую гавань. А.И. Хлебников остался на зимовку на Камчатке, затем на военном корабле отплыл в Охотск, куда прибыл 11 июля 1814 г. Капитан 2-го ранга П.И. Рикорд аттестовал штурмана «Дианы»: «Поведения самага благороднаго, в компании отличной офицер, к повышению чина достоен». В январе 1815 г. А.И. Хлебников «сухим путем» достиг российской столицы, где ему было сразу же поручено морским ведомством «сочинение с описей карт и приведение в порядок астрономических наблюдений, деланных на "Диане"».

В дальнейшем А.И. Хлебников плавал на Балтийском и Северном морях, побывал на фрегате «Меркурий» в Голландии, Англии и Франции, служил на императорских придворных судах. 26 июня 1818 г. А.И. Хлебников был пожалован в штурманы 8-го класса. 6 июня 1821 г. «за отличныя подвиги на службе» морского офицера наградили орденом Святого Владимира 4-й степени. По высочайшему повелению 31 января 1823 г. А.И. Хлебников был переведен из гвардейского экипажа в помощники начальника отделения Хозяйственной экспедиции Адмиралтейств-коллегии. 11 января 1824 г. за выслугу лет Правительствующий Сенат пожаловал А.И. Хлебникова в надворные советники¹⁴.

А.И. Хлебников был женат на Татьяне Борноволоковой, дочери вологодского губернского прокурора Тертия Степановича Борноволокова, писателя, члена-корреспондента Академии наук. В браке имел двух дочерей — Марию и Екатерину. Умер А.И. Хлебников в 1868 г. в Твери, где и был похоронен на Смоленском кладбище.

1814 г. — Извлечение из записок штурмана шлюпа «Диана» А.И. Хлебникова о японском плене¹⁵

Побег наш из Матсмая

л. 12

23 апреля водили нас в последний раз по городу гулять и давали нам пить саги. Оною Алексей напился пьян, да и г[осподин] Мур выпил, и несколько, а потому, пришедши под вечер домой, оба они с усталости уснули крепко. Наступившая же ночь была темная, и по желанию нашему сон в сию роковую^a для нас ночь не закрывал^b глаз наших. Однако мы по-прежнему легли в постели свои и дожидались с мучительною неизвестностию определенной нами минуты. Во внутренней страже часовой сторож, подпивши вечером саги, также сидя заснул крепко, прочие товарищи его не спали и в другой половине дома играли горячо в шашки, внешняя цыганская¹⁶ стража бодрствовала, но им нельзя было нашего ухода приметить.

В полночь, как прошел часовой по двору, мы тотчас после его, встав со своих постелей и зделав на оных из оставляемого платья наподобие лежащего в постеле человека, выбрались потихоньку на двор и, разчистив проведенную под забор для стока воды канавку, подлезли под оной^a, а возле его идучи, вышли на улицу, Красных ворот называемою. Перешед ее на другую сторону, пролезли чрез тын на гласис¹⁷ крепости и, по оному идучи, вошли на главное в городе кладбище. Сим пустым местом пробрались к выходу на N-ю сторону городу, не быв ни кем в столь многолюдном городе замеченными, пошли прямо к северу на горы. Капитан при подлезании под забор повредил себе ногу в колене, от чего чувствовал великую боль, и потому путь наш был не так успешен. Однако мы поднялись на высокие горы, где, нашед дорогу по ней, направили колеблющиеся от страха и неизвестности стопы свои, шли несколько часов по сей дороге.

^a В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами страшную.

^b В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами смыкал.

^a В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами забор.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Пред разсветом показалось некоторым из матроз наших, что нас преследуют с фонарем. Мы бросились вправо с дороги и стали спускаться в глубокую пропасть по снежным глыбам, с великою опасностью свернувшись с оных[†] куда-либо в сторону и разбиться в куски; опустившись на дно оврага, продолжали итти по сей пади, ища такого места, где бы можно укрыться от преследователей своих (после узнали, что погони за нами в сие время никакой не было, а, вероятно, матрозам показалась фонарем какая-либо восходящая звезда). Долго мы искали такого места и на самом уже разсвете в одной ущелине увидили водопад, закрывающий под отвесною высотой горы пещеру, в которую мы по снежным глыбам всползли и провели в ней первый день[‡].

Водопад, разсыпаясь с сильным шумом пред нашею пещерою, брызгами своими промачивал наше платье, от сего холод заставлял нас дрожать во весь день, в продолжении коего какими болезненными мыслями не потрясались души наши. В чуждой и неизвестной нам стране мы были скитающиеся странники, принужденные убегать всякой встречи с подобными себе, не домышляя, где и как промыслить себе пищу, столь необходимую для продления жизни нашей, и удасться ли нам где-либо завладеть гребным судном, но есть ли будем столь счастливы, что получим оное, то море, котораго самое ближайшее разстояние до твердаго Татарскаго берега^{л. 12 об.} не менее 250 миль, будет ли нам столь благоприятно, что позволит // проплыть такое великое разстояние в таком бурном и туманном климате; но если и сии трудности мы чудесным образом пройдем живыми, то кто нам отвечает за ласковый прием от грубых и варварских жителей Татарскаго берега и не поробят ли они нас в вечную неволю. Таковыя и им подобныя мысли подавляли сердца наши в сей ужасной пещере. Но сильная любовь к отечеству и желание когда-либо его увидеть подкрепляла дух наш, решившись или умереть, или преодолеть с помощью Божию все на пути нам встретиться могущии бедствия.

Около полдней с высокаго утеса сбежал вниз олень и был весьма близко к нашей пещере. Во всю свою жизнь не имел я большаго желанья, как при теперешнем случае иметь при себе ружье, тогда бы сей зверь послужил нам приятною и крепительною пищею к будущему трудному нашему путешествию. Чрез несколько минут он ускакал опять по скалам на высоту горы. Под вечер всякой из нас вынул по несколько золотников¹⁹ из своих котомок пищи и съели для подкрепления сил своих. При захождении солнца вышли мы из сей пещеры и стали подниматься на весьма крутую, покрытую сыпучим камнем гору с величайшим трудом и напряжением сил своих; ноги наши с каждым шагом катились назад, так что без пособия рук, которыми захватывались за кусты, никак бы вперед подаваться не можно было.

Капитан с больною ногою при сем подъеме более всех пострадал. Его тащил за собою на поясу матроз Макаров, а без его пособия ему одному из сей дебри никак бы не подняться не можно было. Вышедши на вершину горы почти в мертвенной усталости, несколько времени отдохнули и пустились по дороге «опять к северу», имея намерение пробраться сим трактом на северную сторону острова Матмая и там у мохнатых²⁰ воспользоваться байдарою. Но мы худо знали местоположение сего острова; хребет ужасных гор, покрытых почти всегдашним снегом, занимает всю средину онаго^{*}, а потому сим путем итти нам труд бы был безмерен и напрасен, а зайдя в средину гор³, от голоду и холоду должно бы было умереть.

[†] В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами глыбы.

[‡] В ркп здесь и далее текст подчеркнут автором коричневыми чернилами.

^{л. 12 об.} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами к N.

^{*} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами острова.

³ В ркп далее зачеркнуто нам.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

Всю сию ночь шли "по тому направлению", имея путеводителем себе северную Полярную звезду, то поднимались на горы, то спускались в глубокие овраги, от чего приходили в величайшее изнеможение, потому что в сии сутки, как прежде упомянуто, съели только по несколько золотников бобов. В ходьбе чувствовали^к великой по всему телу жар, но лишь только ложились отдыхать на землю или снег, так в то же время ощущали во всех членах сильной холод, который и понуждал^л опять согреваться ходьбою.

К наступающему второму дню, поднявшись на одну разложистую гору, в густом горном тростнике легли проводить день до ночи. Друг с другом ложились плотнее, чтоб чрез сие несколько согреться и уснуть, но сильной холод и легкость одежды нашей мешали нам сомкнуть глаза свои, а потому принуждены^м были развести небольшой огонь и согрели горячей воды в унесенном нами с собою медном чайнике, с помощью из тростника зделанных дудок натянулись теплой воды, съели несколько золотников бобов и там заключили на сей день бедственный свой пир. Хотели по восхождении солнца, как обогреет, укрепить себя сколько-нибудь благодетельным сном, но в то же время приметили едущих на лошедах людей, и конечно, в сей пустыне не за чем иным, как искать нас.

Мы тотчас подыались из своего логовища и начали спускаться на другую сторону горы в весьма глубокую пропасть, по коей в каскадах разбивала свои воды текущая небольшая речка. Мы катились на задних частях тела по^и весьма крутым снежным скалам с величайшею опасностью или провалиться под снег, или, сорвавшись с сего снежного утеса, разбиться вдребезги. Более версты таким образом ехали на задних частях тела, управляя путь свой имевшимися у нас в руках палками, которые заменяли нам при камчадалской на собаках езде употребляемый сштол²¹.

Спустившись к помянутой речке, увидели несколько шалашей для житья дровосеков. Посоветовавшись^о между собою иттить ли нам прочь от них или, приближась к оным, поискать^н нет ли чего съестнаго в них, полагая, что если и есть в них люди, то, верно, немного и мы можем их застрашать дать нам съестное, что у них есть. Голод принудил нас принять последнее намерение, хотя и нежелательно нам было иметь какою-либо встречу и не с одним человеком. Первое, потому чтоб без крайней нужды не иметь случая к какому-либо насилию, а во вторых, и потому чтобы чрез то не подана была весть в Матмай о нашей принятой дороге. ^пОсмотрев шалашаши, ничего в них не нашли, а отыскали^р по берегам речки вырастающую черемшу, поели ее несколько, но желудки наши не были приготовлены к травяной пици, и мы не чувствовали от того никакого насыщения. Стали подыматься на весьма высокую и утесистую гору, на которой мы видели // новой шалаш, чтоб поискать и в оном того же, что и в прежних.

л. 13

Почти весь день препроводили мы в подъеме на сию гору более на руках, нежели на ногах, цепляясь за сучьки растущих по утесу кустарников и дерев. При сем подъеме случилось со мною особенное нещастие. В половине горы, поднимаясь к верху по одной сыпучей крутизне и поднявшись уже близко к верху ее, очутился я в таком состоянии, что ни в зад ни вперед мне самому двинуться не можно было, под

^{и-н} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами к N.

^к В ркп далее зачеркнуто мы.

^л В ркп далее зачеркнуто нас.

^м В ркп далее зачеркнуто мы.

^н В ркп далее зачеркнуто всему спуску.

^о В ркп далее зачеркнуто мы.

^п В ркп далее зачеркнуто в них.

^{р-р} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами нашли.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

ногами камни вместе со мною катились, а кверху — один только корень какого-то прежде растущаго на сем месте дерева, за которой я ухватился руками, держал меня неподвижно в сем висящем ^сположении, так что ^с никак не мог я сам собою подняться кверху, каждую секунду опасаясь, что старой и почти изгнившей корень оборвется и я полечу с ним в другую с сего света жизнь.

Товарищи мои, обошед сие место несколько стороною, были все уже на высоте, уставшие до безмерности от подъема. Я просил криком их помощи, тогда один из матроз, Васильев, спустился сверху и подал мне конец кушака своего, за которой я ухватившись был им поднят кверху. Отдохнув от безмерной усталости, мы продолжали итти по сей покрытой толстым снегом горе и, не нашед виденнаго нами шалаша, к вечеру остановились в густом горном тростнике, «яма таги» японцами называемом. Развели огонь, согрели в чайнике воды с черемшею, натянулись дудками оной и съели по несколько золотников крупы, вознамерились ночь сию провести в сем месте.

Матрозы зделали из тростнику небольшой шалаш, чтоб сколько-нибудь от ночнаго холоду защититься в оном, который на сей высоте гор весьма чувствителен, несмотря на то что в сей стране наступало уже лето и в низких к морю местах было весьма тепло. Мы все забились в сей шалаш, прижимаясь друг к другу как можно плотнее для согревания, но снизу от снегу, а сверху от легкости одежды весьма зябли, так что не могли укрепить себя сном. Если в продолжении ночи и забывались на несколько минут, то в тонком сне представлялись нам разныя кушанья, а, пришед в себя, от того голод увеличивался.

На третий день, поутру, мы посоветовались между собою куда направить нам путь свой. К северу пройти чрез остров на мохнатый берег мы видели уже невозможность, и что целый день на подъем одной только горы употреблен был, а таких гор по сему непроходимому пути мы и конца не видали, где, кроме снегу, никакой пищи, ни трав, ни кореньев сыскать не можно, и что, следовательно, забравшись далее в средину острова и выбившись из сил от холоду и голоду, неминуемо погибнуть должно^г, потому присуждено нами за необходимое принять дорогу влево, к западу, и вытти из сих пустых и безтрактных мест на западный^у матмайской берег, который хотя и многолюдно заселен, но в ночное время можно будет нам продолжить по берегу путь свой к северу, где по встретившимся селениям можно поискать чего-либо съестнаго и присмотреть байдару.

И так в сем намерении спустились мы с сей горы ^фк северу^ф, в глубокую дебрь, по коей вышли к небольшой речке, катящейся с великою быстротою по разлогу сих гор. По течению оной^х пошли мы вниз в чаянии, что она впадает в море на западной стороне сего острова. Продолжали весь день итти по сей принятой нами трудной и непроложенной следами человеческими дороге, перебраживая речку несколько десятков раз с одного берега на другой, чтоб только чрез то проложить себе новую дорогу, ибо берегами своими имела она^н утесистыя камни, по которым мы часто принуждены были карабкаться и цепляться руками, имея под ногами глубокий водопад. Таковыя переправы стоили величайшаго изнеможения сил наших и безпрестанной опасности, оборвавшись, разбиться и утонуть в стремнинах сей реки; встречали по дороге несколько дровосточных

^{с-с} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами состоянии и.

^г В ркп далее зачеркнуто будет.

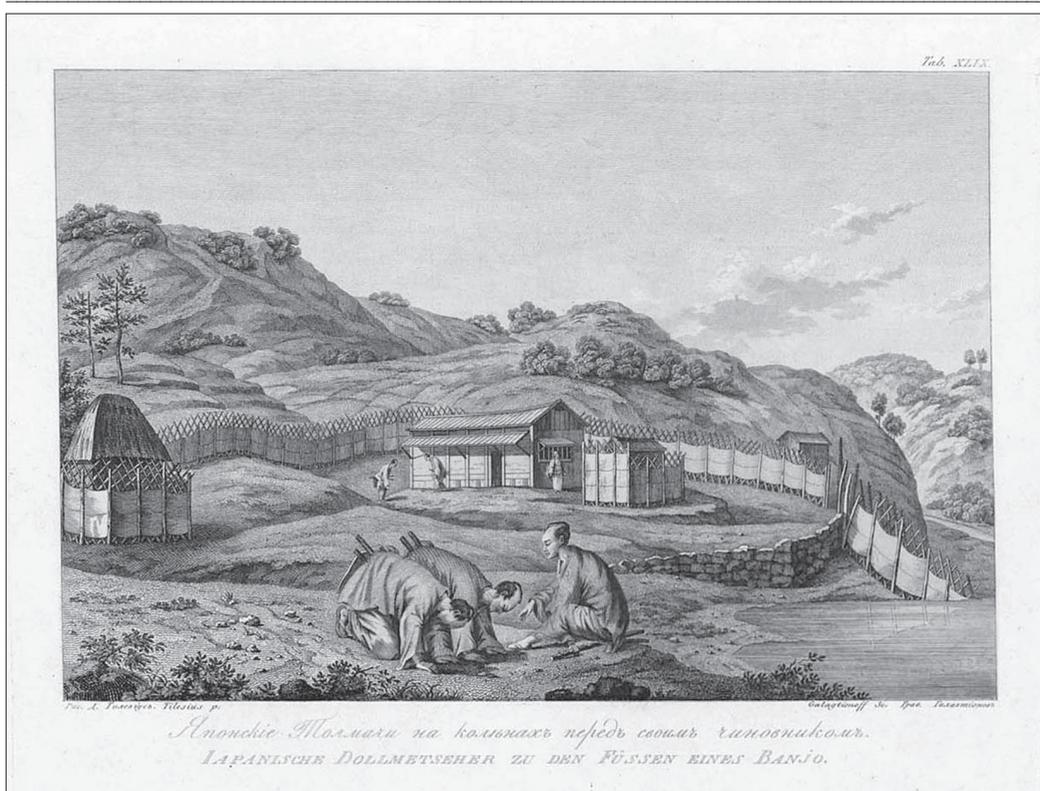
^у В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами W.

^{ф-ф} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами N.

^х В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами сей речки.

^н В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами сия речка.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

Ил. Японские толмачи на коленях перед своим чиновником. Лист из «Атласа к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна». СПб., 1813

шалашей, но они были безлюдны и пусты, и как видно⁴ по приметам, что в сем годе в них еще никто не жил. Нашли только в одном из оных старой топор и чашку, которья и взяли с собою.

К вечеру в одном старом угольном шалаше остановились ночевать, развели огонь, обогрелись и обсушились, так как платье наше при частом перебраживании речки обмочено было. Сварили в чайнике черемши и травы пупырьев, поели сей скотской пищи, натянулись теплой воды и по десятку съели бобов, легли, один к другому прижавшись, на соломе и покрылись сверху ею же, которой надергали⁵ из развалившейся кровли сего шалаша. В сию ночь благодетельный сон несколько укрепил тела наши, но в то же время заметили мы, что все почти // из нас имели на себе признаки жестокой цынготной болезни, а особливо в капитане и матрозе Шкаеве из рта⁶ такая жестокая была вонь, что в довольном разстоянии от них чувствительна уже была вонючая атмосфера, что без сомнения произошло от безпрестаннаго питья воды на тощий желудок.

л. 13 об.

⁴ В ркп далее зачеркнуто было.

⁵ В ркп далее зачеркнуто мы.

⁶ В ркп далее зачеркнуто от них.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Поутру на 4-й день, поднявшись, пошли по прежнему пути вниз по реке, но едва прошли несколько десятков сажень, как вдруг из-за мыса увидели шагах в 30 новой шалаш, из дверей коего выходил дым, из сего заключили, что в нем есть люди. Мы, не желая быть ими замеченными и чтоб не подали о нас весть к преследовавшим нас, приняли дорогу вправо и поднялись с немалым трудом на гору в лес, которым идучи, к счастью, попали на лесную тропинку, а по ней вышли из леса и приметили, что тропинка ведет к W-му морскому берегу.

Пошли по ней и, пройдши глубокий овраг, поднялись на высокую гору, с которой увидели синеещеся вдаль море. Все наше стремление клонилось к тому, чтоб поскорее вытти к морскому берегу из сих необитаемых и непроходимых мест. Там надеялись мы что-либо достать съестное, и если в селениях ничего не удастся промыслить, то палагали, по крайней мере, море не откажет нам в какой-либо пище. Может быть, мы думали, найдем из онаго выкид какого морского животного или морскую капусту. В сих благоприятных для нас мыслях^b вдруг увидели впереди нас едущих на лошадях людей. Мы тотчас приняли дорогу вправо и спустились в овраг, по которому тихо тек в болотистом дне маленькой ручеек, спрятавшись в небольшой лесок для поджидания ночи. Прежних едущих на лошадях людей мы более не видали, но зато вдруг увидели вышедших из леса около десятка человек^m и весьма в близком от нас расстоянии. Они, как догадываться можно было, рубили в лесу дрова, а под вечер возвращались к своему селению. Утрудившись^b от дневной работы, шли они потупя глаза в землю, не смотрели по сторонам, а то бы нетрудно было им сквозь редкой лес приметить нас.

Как прошли сии люди, мы случайно разворачивали палками грязь в ручейке, пред которым сидели, поимали маленького речного рака золотника в 3 весом, обрадовались до безмерности таковой находки, тот же час разделили его между собою и съели и начали все прилежно искать в грязи еще таковых же, но ³успех не соответствовал нашему ожиданию, нашли только³ не более четырех или пяти таковой же величины^o, которыя и были в то же время сырья проглочены нами.

При закате солнца мы поднялись из сей засады и, вышед на дорогу, пошли по ней к морскому берегу, но, пройдя часа три или более до онаго, спускаясь сначала с хребта гор, а потом долиною, тропинка привела нас к небольшому селению, возле котораго увидели на лугу пасущихся лошадей. Тогда пришла нам мысль поимать одну из них и, убив^a, попировать на оной, но поимать их^a невозможно было, и как только мы приближались к ним, они производили сильное ржание, что принудило оставить наши над ними поимки, боясь быть чрез то примеченными. Мы обошли сие селение стороною и, вышед на морской берег, шли по оному остаток ночи к северу^b, куда имел направление западный^a матмайской берег.

Прошли два большие селения, но не приметили на берегу ни байдар, ни другого чего, чем бы можно было утолить голод. Когда показалась на горизонте

^b В ркп далее зачеркнуто идучи.

^m В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами людей.

^o В ркп далее зачеркнуто по-видимому.

³ В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами но.

^o В ркп далее зачеркнуто поимали.

^a В ркп далее зачеркнуто оную.

^a В ркп далее зачеркнуто нам.

^b В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами N.

^b В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами W.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

утренняя звезда, стали мы подниматься с морского берега против одного из двух селений опять в горы, чтоб укрыться на день, ибо на низу нигде^г такого места приметить не могли. От безмерной усталости с весьма великим трудом^д поднялись на одну остроконечную высокую гору, где обтыкавшись кругом сухою травою, чтоб не быть примеченными со стороны, легли провести пятый день нашего странствования. Восходящее солнце озарило нас своею теплотою и поутру еще согрело ослабевшую и остылую кровь нашу. Сначала нам было приятно такая теплота. Мы несколько заснули при оной, но, проснувшись, я почувствовал великой жар по всему телу и великую жажду на питье, но как воды на сей вершине не единой капли не было, то и надобно было вооружиться терпением дожидаться вечера. День был ясный, и не одного облачка на горизонте не видно^е, да к тому же и ни малейшаго ветра ниоткуда не было, а потому солнце, приходя к полуденной своей высоте, еще более жар увеличивало. Тогда внутренности мои начали сгорать огнем жажды, в роту так засохло, что с великим трудом и болью я мог отворять его. Казалось мне тогда, что за одну чашку студеной воды отдал бы все, ^ж-что не имел, не имел в свете^ж. Я вырывал в земле яму, куда клал^з свою голову, но жар был в ней столь велик, что в минуту разрытая земля согревалась и высыхала; а потому я опять делал новую яму, чтобы иметь хотя одну минуту послабления от снедающего меня жару. Товарищи мои менее меня чувствовали жажду и // жар, а потому я заключил, что ни один голод и усталость причиняли мне сильной жар, но повреждение в здравьи от многого питья воды на тощий желудок.

л. 14

Матрозы наши даже занимались делом, они, снявши с нас и с себя по одной рубахе, которых при уходе каждый из нас надел на себя две, разпоров их, сшили из них два небольшие паруса, годные на гребное судно. "Не можно вообразить с каким нетерпением ожидали мы^и приближения вечера, чтоб, сойдя с горы, утолить жажду свою. Видели в продолжении дня несколько пльвших при тихоньком, благополучном ветре^к японских судов, а сие привело нам на память и наше некогда благополучное житье, и плаванье на окиянской стихии; так же видели среди дня проходивших по дороге на другой горе не в дальном от нас разстоянии людей.

По захождении солнца поднялись мы с вершины сей горы и спустились в долину, где у ближняго източника утоляли жажду тощих своих желудков. От черемши и другой травы такое я омерзение почувствовал, что и запах ее для меня был несносен, и производил позыв на рвоту, но как ничего не было в желудке, то и ни ^л-рвоты настоящей не было^л. Подобное же чувствовал капитан и матроз Шкаев, преданный более всех цынготной болезни, но прочие матрозы ели сию противнейшую пищу и были здоровьем крепче нашего.

^г В ркп далее зачеркнуто мы.

^д В ркп далее зачеркнуто от безмерной усталости.

^е В ркп далее зачеркнуто было.

^{ж-ж} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами весьма бы имел великой бы успех на свете.

^з В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами засовывал.

^{и-и} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами Ни горячий любовник свидания со своей любовницею, никто други какой-либо необыкновенной радости не ожидал с таким нетерпением, как я и други ожидали.

^к В ркп далее зачеркнуто пльвших вдоль берега.

^{л-л} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами чего из рта не выходило.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Вышед на морской берег, мы намеревались итти к пройденному нами вчера большому селению, ^{м-м}так как ^мприметили мы с горы, что^н пришедшие с моря суда встали подле его на якорь. Там намеревались попытать, не удастся ли завладеть небольшим судном, ибо^о мы знали обыкновение японских матроз, когда приходят с моря, то большая половина оных с судов уезжает на берег, где накопленное жалование пропивают на саге вместе с вольными девками в публичных домах, а потому мы считали возможным на их же боту доехать до судна и завладеть оным, к сему же и ветер был от берега прочь. В самом деле мы прошли по берегу к сему селению уже немалое разстояние, как ветер начал подувать с моря на землю и бурун морской стал увеличиваться, а потому при сих обстоятельствах покушение наше на завладение судном было бы бесполезно и на явную погибель.

Мы поворотили взад и пошли к северу^п в чаянии сыскать байдару, в которой бы, по крайней мере, можно было переехать на видимыя нами к западу^р, в отдаленности, пустые острова, из коих северный^с был довольной величины миль 8 или 10-ть в длину. Там мы надеялись избавиться от поисков и приняться с прилежанием, не будучи уже^т никем обезпокоиваемыми, промышлять себе пищу из моря ли или из растений. Шли всю ночь, перебраживали несколько широких и быстрых речек, также прошли два селения, но приличной байдары не видали. Вероятно, что оне по приказанию были все убраны, кроме маленьких однодеревных челноков, вмещающих в себя по два, а по нужде — по три человека. Мы не хотели пуститься на оных и разлучиться друг с другом.

К утру поднялись мы для продневания на горы. С половины прошедшей ночи и во все следущия сутки шел дождь, а потому в сей шестой день не имели и нитки на себе сухой. Лежали почти в воде в кустах древесных и тряслись от холода; к вечеру опять спустились с гор и пошли к ^усеверу^у же вдоль морскаго берега по весьма извилистой и утесистой дороге ощупью, ибо ночь была чрезвычайно темна и шел безпрестанно дождь, так что в двух или трех шагах мы не видали друг друга. Матроз Симанов шел впереди, я за ним, а прочие позади меня. В половине ночи поднимаясь мы на один утес, я обступился левою ногою с дороги и упал стремглав в пропасть. Голова моя очутилась потом опять кверху, я почувствовал себя катящимся вниз вместе с большими камнями; чрез минуту я ухватился руками за^ф высунувшиеся по крутизне кам[ни]^к и на минуту задержался. От падения и соскакивания с камня на ка[м]ень я получал в голову и по всему телу удары, но, к счастью моему, на голове у меня была туго надета мягкая меховая шапка, которая уменьшала головные удары.

Задержавшись, я стал кричать товарищам своим, и они мне криком же отвечали, но помочь не^н были в силах. Тогда я считал уже сию последнюю минутою своей жизни. К верху подняться мне никак^н невозможно было, ибо я пробовал

^{м-м} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами где мы.

^н В ркп далее зачеркнуто с моря.

^о В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами так как.

^п В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами N.

^р В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами W.

^с В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами N.

^т В ркп далее зачеркнуто царства.

^{у-у} В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами N.

^ф В ркп далее зачеркнуто некоторыя.

^к В ркп далее зачеркнуто ухватившись руками.

^н В ркп далее зачеркнуто в чем уже.

^н В ркп далее зачеркнуто уже.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

кое-как карабкаться, но с каждым таковым покушением подавался на низ и сыпучия камни вместе со мною катились, а как одно средство мне оставалось — катиться с камнями вниз, то тут я и полагал, что или раздавит меня большим камнем, или приведет сия сыпучая // крутизна к перпендикулярному утесу, где уже и последует конец жизни моей. И так я, предавши себя в волю Божию, пустился вниз с камнями, несколько раз обрываясь по перпендикулярной высоте, а голова моя стучала с камня на камень, так что выбился я из чувств и памяти, а пришед в себя, очутился я на дне сего глубокого оврага, по которому журчал текущей в горы ручей, приползши к нему, утолил свою немощную жажду. Во всем теле чувствовал боль, а на руках моих от захватывания по камням кожа была содрана. Сбравшись с остальными силами, какие во мне остались, я встал и начал искать отлогого места подняться опять на высоту. К счастью моему, на другой стороне утеса гора была несколько отлога, порозшая кустарником. По ней я начал подниматься, захватываясь руками за кусты, от чего чувствовал великую боль в оных. Через $\frac{1}{2}$ часа или более времени я поднялся наверх и вышел на прежнюю дорогу, идучи по коей, к великой радости моей, соединился с товарищами моими, которые обрадованы были моим возвращением, ибо считали меня уже погибшим. Когда слышен был мой голос, один из матроз, Васильев, на связанных кушаках спускался вниз для подания мне помощи, но много бы понадобилось ему кушаков, чтоб достать до меня, а потому и поднялся назад вверх.

л. 14 об.

По общему согласию решились на том месте, где я упал, дожидаться возвращения моего до самого утра, а тогда, если не возвращусь, продолжать уже путь одним, оставя меня на произвол собственной моей участи, так как это служило бы им верным знаком, что я или совсем разбился, или пришел в такое состояние, что за ними следовать не могу. Но пекущееся о мне Провидение сохранило как жизнь мою, так и тело от важного повреждения и готовило меня на перенесение еще величайших бедствий, которые после случались с нами. Поговорив о незапном сем случае вместе и отдохнув, продолжали путь свой. Прошли несколько селений, но желанной байдары и съестнаго ничего не приметили, а потому желудки наши более и более изтощевались.

К утру в одном овраге остановились провести седьмой день. Как мы в прошедшие сутки были все мокры, а сей день был сухой и ветреной, то мы, не взирая на опасность быть замеченными, разжав огонь, около его обогривались и обсушивались, также натянулись из чайника горячей воды. Как провизию, или бедственный запас наш, всякой из нас имел при себе и берег его более алмазов, я же против всех прочих имел онаго при изхождении из Матмая вполовину только, и, издерживая в сутки из онаго золотников по 8 для своего пропитания, на сей день не оставалось у меня не единой крохи, то я, сидя у огонька, посматривал смиренно, как прочия товарищи мои прикладывались к своим сумкам и из оных вынимали по несколько золотников для себя^{III} с печальным видом, что скоро и у них изтощится вконец жизненной сей запас.

Капитан, приметя, что я переворачиваю свой пустой кошелек и пью дудкою одну только воду, разделил со мною пополам несколько золотников крупы, назначенной для себя на сей день в пищу. Я принял с благодарностию такой дорогой подарок и тем укрепил себя на сей день. Повечеру спустились с гор и продолжали по-прежнему путь свой вдоль берега по тому же направлению.

---

^{III} В ркп далее зачеркнуто вынимали.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Проходили селения, но нигде байдар не видали, да и съестного ничего достать не могли. Я собрал несколько морской травы или моху, которым покрывались морские камни, и жевавши, в роту чувствовал великое отвращение и тошноту от сей пищи, и потому с нуждою раза два проглотил.

В исходе ночи пришли мы к большой и широкой речке, советовались, что предпринять и как переправиться чрез нее положено: идти выше от устья и пробовать не можно ли ее перейти в брод. И в самом деле так удачно нашли оной, что не больше глубины было как по поясу, но зато была чрезвычайная быстрота воды, которою нас валило с ног, но мы против сего так перебраживали, что крепкие из нас на ногах шли против упорности течения, а прочия позади оных по течению, и таким образом друг друга поддерживали, чтоб не упасть с ног, и тем спасали друг друга, а без сей предосторожности могло бы стремительностию воды унести нас к устью на большую глубину и потопить. Перешедши сию важную переправу, лишь только мы вышли на другой берег реки, как услышали бой часов трещеткою в ближнем от нас разстоянии, из чего заключили, что находимся возле какого-либо городка или большого селения, в котором есть солдатские караулы. Мы тотчас поворотили от него вправо и, прошед несколько лесом, на одной крутизне в густой чаще невысокого лесу остановились проводить восьмой день, чтобы в дневное время лучше обозреть местоположение, где мы находились.

л. 15

В продолжении дня видали много ходящих весьма в близком от нас разстоянии людей, но приметить нас за густотою чащи они не могли. Пролежав сей день, повечеру всякой взялся за свой кошелек с провизией, а как у меня ничего // не было, то я и лежал, чтоб не смотреть на других и чрез то бы не увеличивать своего голода, но матроз Дмитрий Симанов сжалился^и и разделил пополам со мною оставшийся у него запас. Досталось на мою долю золотников с 10-ть полуизгнивших японских мудзи (пресные крупяные сухари), кои я разделил на три части для тредневного насыщения.

Как стемнилось, мы поднялись из засады и пошли к городу, по дороге увидели привязанную на веревке кобылу, около коей бегал жеребенок. Давно уже было наше намерение поимать лошадь, и, уведя в горы, покормиться на ней, и укрепить разслабленные вконец свои силы, но по прилежном советовании оставили на сей случай свое намерение произвести в действо из опасения быть тотчас примеченными. А потому мы пошли в путь, но, подходя к городу, увидели несколько человек, вышедших из онаго с фонарем, идущих прямо к нам. Мы тотчас своротили с дороги и залегли в траву, с час времени помешкали, потом пошли кругом городка по речному и морскому берегу. Тогда^в поднялся на нас сильной лай собак, однако мы скорым ходом^и прошли сие селение без всякой опасности.

Чрез несколько времени пришли мы к другому большому селению, где приметили на воде стоящую байдару, закрепленную к берегу веревкою, у которой стояла на берегу из парусов палатка, по сему мы заключили, что в ней должен был быть часовой для караулу байдар, чтоб подать криком весть в селение, если увидит, что мы хотим завладеть ею. Мы подходили к ней потихоньку и, всматриваясь сколько темнота ночная позволяла, приметили, что она была^в, по желанию нашему, с драгоценным для нас грузом, как мы полагали, свежеею рыбою. Но в то самое время

^и В ркп далее зачеркнуто над мною.

^в В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами страшный лай собак.

^и В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами маршем.

^в В ркп далее зачеркнуто с грузом и.

III. PUBLICATIONS OF SOURCES

матроз Шкаев, проходя помянутою полатку, засунул в нее свою руку с намерением не попадется ли в оной чего-либо съестнаго, так как он наиболее всех мучим был голодом и усталостию⁹, но, к несчастию¹⁰, вместо желаемого, схватил рукою за лице спящего в оной человека, которой от сего проснулся и вскочил, тогда уже невозможно было пуститься на овладение байдарою, ибо минутной его голос встревожил бы все селение и захватили бы нас на берегу. Мы скоростижно удалились от сего места, но прошедши селение, посылали двух матроз подойти потихоньку к полатке и высмотреть, сколько тут людей и не уснул ли проснувшийся. Они, возвратившись, сказали нам, что нашли его неспящим, а ходит он по берегу у байдары.

Мы пошли вперед, пройдя немалое расстояние, пришли к стоящему на берегу японскому судну, покрытому сверху травою. Остановившись у него, один из матроз влез в судно с намерением осмотреть нет ли чего съестнаго в нем или парусов, которых бы нам годились на случай, но ни нашел в ней ничего искомого, а стояла внутри его маленькая судовая байдара, всех нас поднять немогущая, а потому и оставили ее без внимания. Взяли из оной только лейку для питья воды.

Направя путь свой далее, мы подошли еще к одному селению, и как показывалась уже заря, мы стали подниматься в горы для препродневания. Поднявшись на высоту оных, в одном негустом лесу подле оврага легли проводить день девятый, но сей уже был и последний бедственного нашего путешествия. Около полудней мы неприметно были окружены со всех сторон вооруженными солдатами, а как не имели мы при себе никакого оружия, кроме маленьких ножей да одного тупаго топора, то защищаться было нам невозможно, да и силы наши от холоду, голоду и чрезвычайных трудов толико ослабели, что мы с нуждою на ногах держались.

Во все сии девять дней мы не съели и столько, сколько во один раз человеку утолить голод можно, но при всем том не все из нас равно чувствовали сильный позыв на пищу. Матрозы Спиридон Макаров, Григорей Васильев и Дмитрий Симанов чувствовали его сильнее и были крепче и здоровее нас; им не так была противна травяная пища, но капитан, я и остальной матроз не всегда чувствовали сильное побуждение на еду, но зато была у нас всегдашняя жажда на питье, а особливо в ходьбе, и тогда уже не проходили мы ни одного ручейка или речки, которых почти по всему берегу чрез несколько сотен шагов, а иногда и чаще текут с гор, без того чтобы не выпить, по крайней мере, с четверть кружки, а потому я полагаю, что каждый из нас выпил во все сие время не менее четверти сороковой бочки.

С приближением к какому-либо ручейку, при виде его или при услышании журчания воды мгновенно раждалась жажда, напившись же воды делалось тошновато и отвращение от питья, но пройдя несколько шагов, тотчас чувствования переменялись и с нетерпением опять желали встретиться с каким-либо ручейком. Когда ложились отдыхать, то в мыслях нечувствительно начинали представляться разные кушанья и приходили на память такие блюда, которых от самага младенчества во всю жизнь когда-либо кто едал. От кушанья мысли переходили к питью, приводя на память вина, мед и японскую сагу. Все это представлялось с таким очарованием, что невозможно, не быв в таком состоянии, ни вообразить, ни изъяснить.

По окружении нас солдатами со всех сторон мы были схвачены, и завязаны // в веревки, и приведены в ближние селение. Чуть дали нам понемногу поесть каши и выпить саги, чтоб подкрепить наши силы. От сего места повели нас в Матмай с весьма великим конвоем. По дороге некоторыя из солдат показывали нам места, где мы ночевали и дневали, из чего заключить можно, что они нас преследовали, а

л. 15 об.

⁹ В ркп далее зачеркнуто от чего.

¹⁰ В ркп далее зачеркнуто нашему.

III. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

от последнего селения, где разбудили спящего человека, до того места, где нас захватили были сделаны знаки, на траве кучками связанные, по которым они днем и добрались до нашей засады. Мы почуждаемы были идти ее^а без остановки до Матмая, а как капитан чрезвычайно ослаб, то два человека вели его под руки. Мы шли в город Матмай, как мы полагали, на верную смерть^а, что в тот же час и убьют нас, когда приведут в сей город. Но чувствования наши так притушены были от несчастья, что мы равнодушно на все смотрели, полагая и смерть себе немалою отрадою, которая положит конец нашим страданиям. Около пятидесяти^б верст до Матмая провели нас или, лучше сказать, протащили с небольшим в сутки, в которое время не более на отдых употреблено в разных местах с час или немного поболее, впрочем делали ослабу в веревках и не так жестоко связали^в, как при захвачении в Кунашир. //

ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 1487. Л. 12–15 об. (*Подлинник*). Публикуется впервые.

^а В ркп далее зачеркнуто скорым маршем.

^а В ркп далее зачеркнуто как мы полагали.

^б В ркп вписано над строкой по зачеркнутому тем же почерком, но другими чернилами ста.

^в В ркп далее зачеркнуто веревками были.

¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 1. Упоминаемая краткая записка А.И. Хлебникова П.И. Рикорду хранится в РГА ВМФ (Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. 29 л. Подлинник) и датирована 11 ноября 1813 г.

² Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. СПб., 1816. Ч. 1–3.

³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1487. Л. 1.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 196. Л. 192–193.

⁵ Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. С. 47.

⁶ См. подробнее: Козлов С.А. «Мнения и замечания» В.М. Головнина российскому правительству из японского плена // Меншиковские чтения – 2013 : научный альманах. СПб., 2013. Вып. 4 (11). С. 154–159.

⁷ Головнин В.М. Записки ... С. 187–206.

⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1654. Л. 11 об.–14.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ Там же. Д. 1487. Л. 14 об.–15.

¹¹ Головнин В.М. Записки ... С. 202, 205.

¹² Там же. С. 207.

¹³ Там же. С. 291.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 196. Л. 192–193.

¹⁵ Текст публикуется без сокращений, с сохранением орфографии рукописи, разделен на абзацы, исходя из его содержания. Сокращенные слова восстановлены в квадратных скобках. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами. Примечания к тексту обозначаются буквами русского алфавита.

¹⁶ Тцунгарское княжество находилось на северо-востоке о. Хонсю.

¹⁷ Гласис – форт; покаты́й бруствер (насыпь), окружающий крепостные укрепления со стороны поля.

¹⁸ Татарский берег – западное побережье Татарского пролива.

¹⁹ Золотник – мера веса, равная $\frac{1}{96}$ части фунта (1 фунт = 453,59 г).

²⁰ Мохнатыми курильцами русские называли коренное население айну.

²¹ Остол – шест для управления нартами.